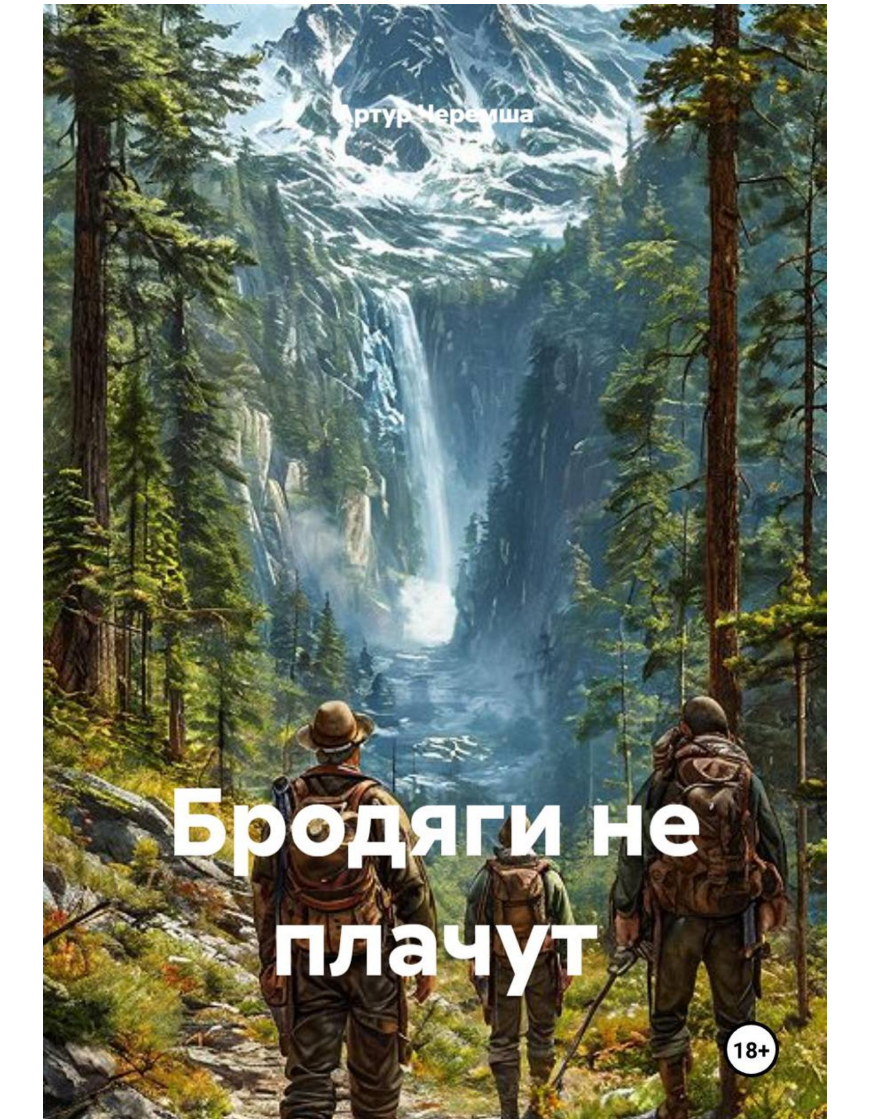

A detailed illustration of three soldiers in military gear, including helmets and large backpacks, standing on a forest path and looking towards a majestic mountain range. A large waterfall cascades down the mountain face, surrounded by dense evergreen trees. The scene is bathed in soft, natural light, creating a sense of depth and atmosphere.

Артур Черемша

Бродяги не плачут

18+

Артур Черемша

Бродяги не плачут

<https://litres.ru/74183072>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о приключениях трёх итэшников в Дальневосточной тайге, которые ищут артефакт, обладающий способностью открывать дверь в собственный внутренний мир, с целью пикового совершенствования личности

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21

Артур Черемша

Бродяги не плачут

Глава 1

Глава 1. Стекланный улей

Лифт бесшумно скользил вверх, и Андрей смотрел на своё отражение в полированной стали дверей. Он любил своё отражение. Высокий, широкоплечий, с тёмными глазами, в которые трудно смотреть слишком долго - они будто за-тягивали. Чёрная рубашка тонкого сукна сидела на нём безупречно, подчёркивая его натренированный рельеф. Запонки в виде черепов - небольшая дерзость, которую он позволял себе, потому что, ему нравилась атрибутика футбольного клуба «Сан Паули», за который он болел последние лет 7, после того, как они с другом съездили в Гамбург.

Он знал, что женщины смотрят на него дольше, чем нужно. Он привык к этому и делал всё, чтобы взглядов было больше и они никогда не кончались.

Двери открылись, и запах дорогого дерева, смешанный с ароматом свежесваренного кофе, мягко вошёл в ноздри. Двадцать седьмой этаж, его территория.

В кабинете было тихо. Он снял пальто - чёрное, почти невесомое. Повесил его на деревянную вешалку, в его ка-

бинете всё было натуральное, и сел за стол. Рука коснулась гладкой поверхности красного дерева, пальцы ощутили его естественную теплоту. На столе стояла чашка с эспрессо. Он не знал, кто ставил её сюда каждое утро - помощник или де-вушка-стажёрка, которая краснела каждый раз, когда он входил в лифт. Он не спрашивал. Он просто брал чашку и делал глоток.

В дверь постучали тремя короткими ударами.

- Войдите.

В кабинет вошла Екатерина, его секретарша. Скорее всего, двадцать восемь лет, тонкая, с острыми скулами и большими глазами цвета лесного ореха. Она носила строгие юбки-карандаши, которые подчёркивали длинные ноги, и всегда закалывала волосы в тугой пучок, но несколько прядей выбивались, обрамляя её лицо. Сегодня она была в бирюзовой блузке из шёлка, почти прозрачной, и он на секунду задержал взгляд на ключицах, которые выступали над вырезом.

В их корпорации отменили дресс-код (и слава богу!). Но босс эту свободу в одежде решил уравновесить заменив всех секретарш на референтов, потому что знал обо все связях своей империи. Вот исключением была Катя, потому что Андрей похлопотал, в виде исключения, за удачно проведённую сделку.

-Андрей Сергеевич, - сказала Катя, и её голос прозвучал немного напряжённо.

-Я принесла отчёт по восточному филиалу, Артём сказал, что вы хотели посмотреть итоговые цифры до подписания.

Каждое утро она приносила ему кофе и каждый раз спотыкалась взглядом о его лицо. Он сидел в кресле полубоком, рассеянно водя пальцем по краю кружки, и свет из окна падал на его скулы. Его подбородок, чуть приподнятый, бросал короткую тень на шею, а ключицы, выступающие из-под растегнутой верхней пуговицы рубашки, выглядели пао-детски, не смотря, на свою отработанную брутальность. Он поднял глаза – ивнимательно посмотрел на неё.. Его взгляд был спокойным, как вода в глубоком колодце, и в нем не было ни вызова, ни приглашения, только легкая задумчивость, которая делала его совершенно недосыгаемым.

Она опустила взгляд, чувствуя, как горят щеки. В его лице не было ни одной мягкой линии - только четкие очертания, которые даже в статичной позе казались движением. Он протянул руку к папке, и в этот момент она заметила его запястье. Чёрные брендовые часы на кожаном ремешке, почему-то белого цвета, как будто нарочито контрастировали с густыми тёмными волосами, которые покрывали его руку. Волосы были не короткими, но при этом мягкими и густыми, они поднимаясь от запястья к локтю, и обрывались на заказанном рукаве белоснежной рубашки. Ткань её струилась мягче вечернего воздуха — тонкий, почти прозрачный батист, который вопреки своей хрупкости держал форму с безукоризненной строгостью. При каждом движении ткань из-

давала шелест, который могли слышать только бабочки, если бы они обитали в этом кабинете, звук, похожий на шум дождя, когда его вскрывают ножом из слоновой кости, а воротник лежал на шее так свободно, будто был сшит по меркам самой тишины. Ни логотипов, ни излишеств, лишь перламутр пуговиц, отсвечивающий радугой, говорил о том, что эта простота стоит не малых денег.

Она вдруг подумала о том, что на его груди, должно быть, такие же волосы. Густые, мягкие, тёплые, и смолянисто чёрные. Она задержала дыхание, и краска стала медленно подниматься по её шее, заливая грудь нежным розовым оттенком. Она почувствовала, как её кожа становится горячей, и опустила глаза, надеясь, что он не заметит.

Она спешно начала листать бумаги, которые принесла с собой, хотя знала каждую цифру наизусть. Её пальцы дрожали, и она проклинала себя за это.

Андрей взял папку, даже не взглянув на неё. Его глаза задержались на её руках - на том, как нервно она перебирает страницы. «Екатерина, - сказал он негромко, и его голос прозвучал глубоко, чуть хрипловато. - Вы сегодня выглядите взволнованной. Всё в порядке?» - спросил он, придав бархату своему итак бархатному баритону, он хорошо владел своим голосом путём изнурительных тренировок с мастером по голосу.

Она подняла глаза и с трудом удержала его взгляд.

- Всё хорошо, Андрей Сергеевич. Просто... загруженный

день.

Он посмотрел на неё с лёгкой усмешкой, коротко, с чуть приподнятой бровью, будто она только что сказала нечто забавно-предсказуемое. Его губы, четко очерченные, с выраженной линией верхней губы, дрогнули в полуулыбке: нижняя чуть припухлая, чувственная, верхняя - с жестким, почти капризным изгибом. В этой усмешке читалось всё: привычка побеждать, знание своей силы и легкое, почти скупающее превосходство. Улыбка не задержалась на лице - она проскользнула и исчезла, оставив после себя единственный вопрос, который он не задал вслух: «Ну и кто из нас сейчас думает, что контролирует ситуацию?»

- Тогда идите. Я посмотрю отчёт.

Она кивнула, развернулась и быстро вышла, стараясь не думать о том, как он сидит в своём кресле, закинув ногу на ногу, и смотрит ей вслед. У дверей она остановилась и на секунду задержалась, чувствуя его взгляд на своей спине, ягодицах и ногах. Она знала, что он смотрит на неё. Она чувствовала это кожей. «Самец,, не без удовольствия подумала она».

Когда за ней закрылась дверь, Андрей снова улыбнулся. Чуть дольше, чем обычно. Потом он открыл папку и начал читать. Цифры были хорошие. Но он думал о другом. Он думал о её запястьях, о её шее, которая порозовела, когда она смотрела на него. Он был мужчиной, который такие вещи не пропускал.

Он перевернул страницу, и его глаза снова цепкими и сосредоточенными.

«Квартальный рост - семнадцать процентов. В следующем квартале мы ждём снижения на два процента, если не запустим новый продукт к сентябрю».

Он сделал пометку на полях. Красным маркером, резко, не глядя. Затем он откинулся на спинку кресла и посмотрел в панорамное окно.

Москва лежала внизу, как огромный муравейник. Он знал, что здесь, в этом городе, миллионы людей хотят быть на его месте. А он хотел быть на их месте. Где-то там, внизу, где не нужно думать о квартальных отчётах и советах директоров.

Он взял телефон, открыл чат с Лёхой.

«Сегодня в «Крылатском»?»

Ответ пришёл через минуту.

«Я на съёмке до вечера. Завтра. Договорились?»

Он не ответил. Просто убрал телефон в карман и снова взялся за отчёт.

В обед он спустился в ресторан. Внизу пахло трюфелем и тёплым хлебом. Он сел за столик у окна, заказал тартар из говядины и бокал холодного чая. Когда он поднимал бокал, на его запястье падал солнечный свет, делая волосы на руках почти золотыми.

Он съел тартар, чувствуя, как нежное мясо тает на языке, и запил его чаем. Вкус был идеальным. Но он думал о Екате-

рине. О её шее, залитой розовым, о её дрожащих пальцах.

Он знал, что мог бы пригласить её на ужин. Он знал, что она согласилась бы. Но он не сделал этого. Не потому, что боялся, а потому, что не знал, зачем. Катя только неделю обитала в их заведении, а до этого была Мила, до неё, кажется Женя, впрочем, какая разница?

После обеда у него была встреча с Артёмом. Его заместитель сидел напротив, и размахивал руками, объясняя, почему нужно запустить новый продукт раньше срока. Андрей слушал его вполуха. Его взгляд блуждал по строгому лицу Артёма. Он подумал о том, каково это - быть таким самоуверенным, и с такой невыразительной внешностью, хотя, одетым безукориненно.

- Ты слушаешь? - спросил Артём.

- Да, - ответил Андрей. - Мы запустим продукт раньше, если техдиры подтвердят готовность. Если нет - ждём до сентября.

Артём улыбнулся.

- Отлично. Я знал, что ты согласишься.

Андрей кивнул, и они разошлись. Он вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Он снял запонки и положил их на стол. Его руки лежали на панели стола - большие, с длинными пальцами, с густыми тёмными волосами, поднимающимися к локтю.

Он вдруг понял, что не хочет смотреть на отчёт. Не хочет думать о продукте. Не хочет думать о Москве. Он хочет ти-

шины.

Он закрыл глаза на несколько минут. В тишине он слышал только своё дыхание.

Всё. Рабочий день окончен, сегодня у него по графику, гребной канал. Он привычно спустился в раздевалку гребного клуба - пустую, бетонную, с запахом водорослей, плесени и сырого дерева. Клуб был старым и это нравилось Андрею, здесь было малоллюдно и спокойно, и можно было видеть только незнакомых людей, с которыми можно заговаривать без обязательств, просто. Не глядя по сторонам, начал расстегивать манжеты. Первым делом снял часы - положил на скамью, слишком аккуратно для человека, который собирается потеть. Затем - белая рубашка, она уже была не свежей и Андрея это напрягало, нужно будет позвонить Матвею, пусть привезёт свежую. Он стянул её через голову медленно, ему лень было растёгивать пуговицы, и на секунду замер, запрокинув лицо. В тусклом свете верхней лампы его плечи и спина выглядели так, словно их лепил из мокрой глины старый скульптор, который прошёл академическую школу: хорошо развитые грудные, чёткие кубики на животе, бросались в глаза довольно накаченные трицепс и бицепс, - словом весь набор мечты бодибилдера, Но при этом его мышцы не были безобразно перекачаны, как это бывает у стероидных качков. Нет, Андрей был красив своей природной красотой, которую лишь дополнила систематическая тренировка. Кожа на груди была смуглой, и по ней, от ключиц и вниз, к живо-

ту, спускалась полоса темных волос - ровная, густая, живая. Она терялась в поясе брюк, но от этого пустого пространства на животе, между кубиками пресса, становилось только жарче. Он отстегнул пряжку ремня, и его брюки мягко упали на пол. Он остался только в белых боксерах, обтягивающих накаченные бедра, и в шелковых чёрных полупрозрачных носках, скользнувших по бетону, когда он переступил с ноги на ногу.

Сняв носки он ловким движением бросил их в урну, носки он не отдавал в стирку, а выбрасывал, он мог себе позволить такую роскошь. Позже трусы последовали вслед за носками. Андрей не мелочился, к тому же он был брезглив.

Он наклонился за спортивной сумкой - и свет выхватил его спину: вдоль позвоночника шла впадина, а по краям, при каждом движении, перекачивались выпуклые мышцы, влажные от пота, потому что в этом заведении кондиционера сроду не было. Когда он выпрямился, на его груди и животе волосы сбились от влаги, темнея, при этом его открывшиеся подмышки густыми мокрыми чёрными волосами демонстрировали, что тело уже давно хочет вырваться на свежий воздух.

После принятого душа, он начал облачаться в спортивное - и это была другая эстетика. Сначала длинный компрессионный лонгслив из черной блестящей эластичной ткани, который он с трудом натянул на мощный торс.. Ткань облепила торс, как вторая кожа, проявив каждую мышцу: широкую грудную, жесткие ромбы пресса, косые мышцы живота, ко-

которые уходили вниз, в резинку штанов. Через секунду он стянул боксеры, надел тонкие плавки, которые едва вместили его хозяйство, и натянул черные, тугие лосины - длинные, до щиколотки. Они с трудом заползли и влажные стройные : ноги, длинные и классически правильные, с зогорелой кожей, и без единого волоска, волосы на ногах, Андрей не терпел, так вот, выступающие икры, обозначились как удлинённые луковицы, и они были намного шире коленных чашечек, что делало их необыкновенно скульптурными.. Поверх - белые носки в рубчик, как он любил, до середины икры, и чёрные кроссовки, которые он зашнуровал двумя резкими движениями.

Теперь это был совсем другой человек - не менеджер в белой рубашке, а хищник в черной обливке, готовый к воде. На его груди, под тканью, явно проступали соски, и волосы, прижатые к коже, чернели через плотный материал, словно уголь сквозь лед.

Он выпрямился, провел ладонью по коротким волосам на затылке, поправил резинку на бедрах - движение было коротким, привычным, и в нём не было ни капли позы. Просто мужчина, переходящий из одного мира в другой.

Перед тем как выйти к каналу, Андрей постоял у зеркала, внимательно рассмотрев себя во всех ракурсах. Это было частью ритуала перед долгой изнуряющей тренировкой.

В этот момент в раздевалку вошёл Илья. Высокий, поджарый, с тёмными глазами и короткой стрижкой. Он был

младше Андрея на пару лет - в его движениях чувствовалась та особенная уверенность, которая приходит с опытом, но и неуверенность тоже. Андрей чувствовал, что именно он вызывал у Илью чувство какой-то зажатости. И его это напрягало. На его левом плече Ильи виднелась татуировка - дракон, обвивающий бицепс, - и она двигалась в такт движений.

- Не ожидал тебя сегодня увидеть, - сказал Илья, снимая ветровку. - Думал, ты только по выходным выезжаешь.

- Так и было, - ответил Андрей, не поднимая глаз. - Но сегодня на работе всё достало. Хотел сбросить напряжение.

- Понимаю. - Илья сел на соседнюю скамью и начал развязывать шнурки на своих белых найках.

- Я тоже сегодня только с базы. Хорошая погода была - солнце, ветер почти стих. Жаль, что ты пропустил.

Андрей усмехнулся и поднял глаза. Они встретились взглядами, и Андрей экзаменовал Илью, через сколько секунд тот отведёт взгляд. Но Илья не сдавался.

- Завтра выйду, - сказал Андрей. - Если будешь, можем покататься вместе.

- Договорились, - ответил Илья, и его голос дрогнул на последнем слог.

Они оделись и вышли на причал. Лодки стояли у воды, покачиваясь на лёгких волнах. Андрей выбрал двухместную - длинный, узкий снаряд, который требовал синхронности. Илья сел впереди, Андрей - за ним. Они взялись за вёсла, и Илья дал команду:

- Погнали.

Вода расступилась блестящей смолой. Первые взмахи - короткие, разминочные. Андрей чувствовал, как вёсла входят в воду, как они режут её, как сопротивление отдаётся в плечах и предплечьях. Движение было знакомым, почти ритуальным. Он закрыл глаза на секунду, наслаждаясь ритмом.

Потом он открыл их и посмотрел на спину Ильи. Его лопатки двигались под мокрой тканью белой тонкой футболки, как крылья. Андрей почему-то засмотрелся на это движение - на то, как мышцы перекачиваются под кожей, как вода стекает по позвоночнику, собираясь в капли на поясице. Ему это понравилось, потому что он представил, что также выглядит со стороны. И он залюбовался телом и движением Ильи. Нужно будет прикупить белые кроссовки, - подумал он. Илья выглядит моложавл, в чём секрет. Интересно. Какая у него девушка, или жена? Хотя нет, Илья был слишком жизнерадостным, значит, не женат. «Познакомлю его с Мариной, чтобы та отстала, её притязания на Андрея уже становились проблемой».

Они плыли всё быстрее. Вёсла скользили по воде почти бесшумно, только лёгкие всплески и их дыхание нарушали тишину. Андрей слышал, как Илья дышит - ровно, глубоко, как будто он не устаёт. Но Андрей знал, что через десять минут он тоже начнёт дышать чаще, и тогда их дыхание сольётся в один ритм.

Через пятнадцать минут они остановились на середине

канала. Андрей перевёл дух, опустил вёсла и посмотрел на воду. Его грудь вздымалась, мокрая футболка облепила тело, обнажая каждый мускул. Ткань стала прозрачной от воды, и через неё проступал рисунок его грудных мышц, его пресса, его сосков, потемневших от напряжения.

Илья обернулся, чтобы сказать что-то. На мгновение его взгляд задержался на груди Андрея, на том, как мокрая ткань обтягивала его торс, как сквозь неё проступали твёрдые контуры мускулов. Вода стекала по его шее, собиралась в ложбинке между ключицами, струилась по груди - и он следил за этими струями дольше, чем требовалось.

Андрей дышал глубоко, часто. Его грудная клетка поднималась и опускалась, и с каждым вдохом ткань натягивалась, обрисовывая мышцы с фотографической точностью.

Его соски затвердели от холода, и Илья заметил это, но перевёл взгляд, словно его отвлекло что-то на берегу.

- Ты в порядке? - спросил Илья, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Да, - ответил Андрей. - Просто наслаждаюсь тишиной.

Они посидели так ещё минуту, качаясь на воде. Илья смотрел на его руки, лежащие на вёслах, - жилистые, с вздувшимися венами, с тёмными волосами, покрывающими запястья. Он смотрел на то, как капли воды скатываются по его предплечьям, собираясь у локтей, и падают обратно в воду.

- Возвращаемся?- спросил наконец Илья.

- Давай.

Они развернулись и поплыли обратно. Илья больше не оборачивался, но он чувствовал, как Андрей смотрит ему в спину - или ему казалось, что смотрит. Он слышал его дыхание - такое же ровное, как его собственное. И этот ритм почему-то мешал сосредоточиться на гребле.

Когда они причалили, Андрей первым выпрыгнул на берег. Его леггинсы промокли полностью промокли от пота и брызг, и он стянул их, оставшись в одних узких плавках. Он наклонился, чтобы поправить лодку, и Илья увидел, как его спина выгибается, как позвоночник проступает под кожей, как ягодичы напрягаются от наклона.

Он задержал взгляд на спине - на широкой линии, спускающейся к узкой талии. На том, как двигаются мышцы, когда Андрей выпрямляется и идёт к раздевалке.

В раздевалке Илья снял мокрую майку-борцовку, выжал её и повесил сушиться. Андрей стоял спиной к нему, снимал мокрые плавки - его тело снова было обнажённым. Илья смотрел на его спину, на то, как мышцы перекачиваются под смуглой кожей, на татуировку — небольшую, на лопатке, которую он раньше не замечал.

- Давай я сделаю тебе массаж, - сказал Илья, стараясь говорить непринуждённо. - Ты же нагрёб сегодня изрядно. Шея будет болеть завтра.

Андрей замер на секунду. Потом повернулся и посмотрел на Илью.

- Давай, - сказал он просто.

- Прикольная тату,- сказал Илья, нежно прикоснувшись кончиками пальцев к бугристой лопатке Андрея. - сам придумал?

- А, это? Девушка одна знакомая подсказала.

- Наверное красивая? – с волнующими вибрациями в голосе спросил Илья.

Андрей проигнорировал. Он удобнее сел на скамью, спиной к Илье и протянул тому гельдля массажа. Илья мягкими движениями разминал мышцы Андрею, руки были тёплыми, жёсткими, но при этом умело делали свою работу. Андрей закрыл глаза, когда сильные пальцы начали медленно разминать мышцы шеи.

Илья надавливал на точки, где напряжение пряталось глубже всего. Он чувствовал под пальцами каждую мышцу - как она твёрдая, как она расслабляется под его давлением. Он не торопился. Его пальцы двигались медленно, изучающе, проходя вдоль позвонков, по краям трапециевидных мышц. Андрей издал короткий, почти беззвучный выдох, и Илья снова задержал дыхание.

Он спустился ниже, к лопаткам. Там были твёрдые узлы, которые не расслаблялись даже после тренировки. Илья массировал их, с усилием, чувствуя, как они размягчаются под его пальцами. Его ладони скользили по мокрой коже, и он видел, как вода стекает по позвоночнику Андрея, собираясь в ложбинке, которая заканчивается у пояса.

Андрей наклонился вперёд, опираясь локтями о колени.

Его позвоночник выгнулся дугой, и мышцы спины стали ещё рельефнее - каждая линия, каждый переход от плеча к талии. Илья положил руки на его поясницу, чувствуя тепло кожи, и удивился тому, как сильно оно ощущается. Он медленно провёл большими пальцами вдоль позвоночника, надавливая на точки у основания спины, и Андрей снова выдохнул - глубоко, с облегчением.

- Хорошо, - сказал Андрей, не поднимая головы.

- Я знаю, - ответил Илья.

Он убрал руки, но продолжал стоять за спиной Андрея. Андрей медленно выпрямился, и его лопатки сошлись, обнажая рельеф мышц. Он поднялся, взял полотенце, и Илья наконец отвёл взгляд.

- Спасибо, - сказал Андрей, поворачиваясь. - Ты хорошо делаешь. Жаль, что я так не умею, усмехнулся он, тем самым дал понять, что может ответить на услугу Илью не ответным массажем, а только словами благодарности

- Да, ладно, этому не трудно научиться, - сказал Илья с усмешкой, пряча глаза за взглядом на часы.

Андрей попрощался с Ильёй, бросив невзначай взгляд на его атлетический торс без единого волоска торс. «Нужно сбрить все волосы к чёрту, а то зарос как гомодрил», - подумал он. Хотя знал, что все его девушки любили бродить ладонями в его густых зарослях на груди, и это доставляло ему удовольствие.

Он поехал домой, хотя ему этого не хотелось. Но и в го-

стиницу он тоже не хотел.

Может куплю Светке букет, молча положу ей на столик и продолжим молчать.

«Найдём мы тебе бабу», подумал Андрей, вспомнив проведённое время с Ильёй, «Обещаю».

Стрелка часов приближалась к 22.

Глава 2

Глава 2. Человек-обложка

Лёха проснулся от солнца. Оно лезло в глаза сквозь лёгкую ткань, которую он накануне повесил вместо шторы, чтобы хоть как-то приглушить утренний свет.

Тридцать пятый этаж. Панорамные окна. Город внизу - игрушечный, будто собранный из стекла, бетона и чужих маршрутов.

Он лежал неподвижно, глядя в белый потолок, и ждал, когда внутри появится хоть какое-то движение. Не появлялось.

Утро он не любил. Оно было слишком честным. Днём можно было спрятаться за встречами, звонками, короткими сообщениями, улыбками, которые он раздавал так же легко, как визитки. Утром всё это ещё не успевало включиться. Оставался только он сам - и тягучее чувство под рёбрами, липкое, как смола.

Лёха сел на край кровати и провёл ладонью по лицу. Пальцы скользнули по щетине: вчера вечером он забыл побриться, и теперь она тёмной дымкой лежала на скулах и подбородке.

В зеркале напротив отражался человек, которого он знал слишком хорошо.

Светлые глаза, чуть прищуренные. Острые скулы. Рот - ровная, почти упрямая линия. Волосы, как всегда, падали на

лоб. Он поправил их привычным жестом, и в этом движении не было ни кокетства, ни самолюбования. Только усталость.

Он смотрел на отражение и думал: кто это?

Не в смысле имени. Имя он знал. Должность тоже. Знал, сколько стоит его квартира, его машина, его часы. Знал, каким тоном нужно говорить с инвесторами, как улыбаться журналистам, как смотреть в камеру, чтобы выглядеть одновременно доступным и недостижимым.

Он знал, кем стал.

Но не знал, кто он.

В ванной он включил воду почти на максимум и шагнул под струи. Ледяная вода обожгла кожу, и этот удар холодом показалась ему неожиданно правильным. Честным. Тело отвечало на неё быстрее, чем он сам умел отвечать на вопросы.

Он стоял под душем, пока кожа не покраснела. В мокрой кафельной плитке отражались плечи, грудь, тёмная щетина, светлые глаза. Всё то, что другие называли красотой, успехом, породой.

Ему же казалось, что он смотрит на дорогую вещь, которую забыли наполнить смыслом.

После душа он долго выбирал рубашку, хотя выбор был очевиден. Чёрный костюм из тонкой шерсти. Белая рубашка. Запонки из матового серебра - подарок Андрея.

Он одевался медленно, почти ритуально. Застегнул манжеты, провёл ладонью по воротнику, поправил пиджак. В зеркале снова стоял человек, которого от него ждали.

Лёха улыбнулся отражению. Улыбка вышла безупречной.

В офисе он появился к десяти. Его кабинет находился на двадцать девятом этаже - выше, чем у Андрея. Лёха никогда не говорил об этом вслух, но ему нравилось это ощущение: быть немного выше. Хотя бы физически.

Когда он шёл через опенспейс, несколько голов повернулись в его сторону. Он знал эти взгляды: любопытство, восхищение, зависть, осторожное ожидание внимания. Девушки из маркетинга смотрели на него и тут же отводили глаза, будто боялись быть пойманными.

Он улыбнулся им щедро, почти не глядя.

В кабинете пахло его парфюмом - сухим, горьковатым, с нотами табака и кожи. Лёха сел за стол, открыл ноутбук и пробежал глазами по почте.

Тридцать два письма.

Двадцать три - мусор.

Девять - работа.

Он ответил на самые срочные, потом откинулся в кресле и посмотрел в окно. Небо было серым, но сквозь облака уже проступал свет. Облака напоминали его собственные мысли: бесформенные, тяжёлые, плывущие куда-то без всякой цели.

В дверь заглянул ассистент.

- Лёх, ты готов? Съёмочная группа уже внизу. Хотят начать с кабинета.

- Иду.

Он встал, поправил пиджак и вышел.

В переговорной его ждали фотограф, стилист с щёткой и девушка с планшетом.

Фотограф оказался молодым. Моложе, чем Лёха ожидал. Светлые волосы, спокойное лицо, внимательные серо-голубые глаза. Он держал камеру так, будто это была не техника, а продолжение руки. На правой руке, на сгибе указательного пальца, Лёха заметил сбитую костяшку - старый шрам от удара, который уже не болит, но навсегда изменил линию сустава. Наверное, в юности дрался. Или просто слишком часто стучал кулаком по столу.

- Встаньте у окна, - сказал Иван. Голос низкий, чуть хриплый. - Сегодня редкий свет.

Лёха подошёл к панорамному окну.

Солнце пробивалось сквозь тучи и ложилось на стекло мягко, рассеянно, почти невесомо. Он смотрел на город, но видел его как сквозь воду: очертания, пятна, движение. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Иван начал с общего плана. Потом подошёл ближе. Двигался почти бесшумно, без суеты, с той точностью, которая бывает у людей, привыкших замечать не лица, а микродвижения.

- Подбородок чуть ниже. Да. Плечо свободнее.

Лёха подчинился.

Иван наклонился, поправляя воротник рубашки. Его пальцы на секунду коснулись кожи у ключицы - легко, почти случайно. Лёха замер. В этом прикосновении не было ничего

лишнего. Профессиональный жест. Поправка кадра. Работа со светом. И всё же внутри что-то дрогнуло.

- Пиджак можно немного с плеча, - сказал Иван, не повышая голоса. - Так линия будет честнее.

Лёха хотел усмехнуться: честнее. Странное слово для съёмки обложки.

Но пиджак всё-таки приспустил. Ткань соскользнула, открывая край плеча и ключицу. Он не смотрел в камеру. Смотрел в окно и чувствовал на себе взгляд - не жадный, не наглый, а точный. Будто его не оценивали, а настраивали в фокус.

- Хорошо, - тихо сказал Иван. - Вы очень точно держите свет.

Лёха молчал. Он привык, что на него смотрят. Женщины - с интересом. Мужчины - с соперничеством или расчётом. Журналисты - с готовыми вопросами. Подчинённые - с осторожностью. Но этот взгляд был другим. Он не льстил и не просил. Он будто снимал с него слой за слоем всё лишнее: должность, костюм, привычную улыбку, отработанную интонацию. И от этого становилось неудобно. И странно хорошо. Съёмка длилась около часа. Они сменили три локации: кабинет, террасу, стеклянную лестницу. Иван работал быстро, но не торопливо. Иногда замолкал надолго, глядя в экран камеры, потом поднимал глаза на Лёху так, будто сверял снимок с чем-то, что видел только он.

В какой-то момент в переговорную заглянула ассистентка

с бумагами:

- Алексей Сергеевич, вам нужно подписать срочный договор...

Иван резко обернулся:

- Я сказал - без помех. Мы закончим, и тогда.

Голос прозвучал суше и жёстче, чем требовала ситуация. Ассистентка на секунду растерялась, Лёха удивлённо приподнял бровь. Иван заметил это, на мгновение прикрыл глаза, выдохнул и уже мягче добавил:

- Простите. Через пятнадцать минут. Хорошо?

Девушка кивнула и исчезла. Лёха хотел было пошутить насчёт «звёздной болезни», но Иван уже снова поднял камеру, и в его взгляде мелькнула тень усталости - та самая, которую Лёха видел у себя по утрам. Словно Иван тоже не спал, или слишком много работал, или просто устал быть вежливым.

Когда всё закончилось, Лёха пожал ему руку. Рукопожатие задержалось на долю секунды дольше обычного. Костяшка Ивана - та, сбитая - упёрлась в ладонь Лёхи твёрдым, чуть шершавым бугорком. Лёха почувствовал это и почему-то запомнил.

- Спасибо, - сказал Иван. - С вами интересно работать.

- Взаимно.

Лёха уже отпустил его ладонь, но почему-то не отошёл.

- Кофе? - спросил он.

Иван посмотрел на него внимательно, без улыбки.

- Почему бы и нет?

Они спустились в кафе при бизнес-центре и сели у стойки.

Ивану было двадцать три, но держался он старше своих лет - не из-за нарочитой серьёзности, а из-за редкого умения не суетиться. На нём были светлые джинсы и белая майка с вызывающим принтом. В приглушённом свете ламп его лицо казалось резче, чем наверху, в офисном стекле. И всё же в нём читалась усталость: под глазами залегла лёгкая тень, а когда он садился, то на секунду слишком тяжело опёрся локтями о стойку, будто ноги держали его хуже, чем он хотел бы показать.

За окном блестел мокрый асфальт. Красные хвосты фар тянулись по улице, как размытые мазки.

Иван почти не смотрел в окно. Он смотрел на Лёху. Не постоянно, не в упор. Хуже - точно. На руки, на ворот рубашки, на паузы между словами.

Лёха поймал себя на том, что впервые за долгое время не хочет заполнять тишину. Обычно он умел говорить легко: о рынках, о проектах, о людях, о том, что никого на самом деле не интересует, но помогает не слышать пустоту. С Иваном молчание не казалось провалом. Оно стало частью разговора.

- Ты всегда так смотришь на людей? - спросил Лёха? - ненавязчиво перейдя на ты.

Иван сделал паузу, будто взвесил вопрос. А потом вдруг усмехнулся - и в этой усмешке было что-то почти мальчише-

ское, неожиданное для его серьёзного лица:

-Только на тех, кто интересен. И на тех, кто слишком долго выбирает рубашку по утрам.

Лёха моргнул пушистыми ресницами.

- Откуда ты...

- Плечи, - Иван коротко кивнул на его пиджак. - Ткань чуть перетянута у ворота. Ты надевал её дважды, но так и не решил, нравится ли она тебе.

Лёха хотел возразить, но не нашёл слов. Иван снова сделал глоток кофе, и Лёха заметил, что он пьёт слишком горячий - не обжигаясь, а будто не замечая температуры. Ещё одна маленькая странность.

Голос у Ивана был низкий, с лёгкой хрипотцой. После съёмки эта хрипотца почему-то слышалась сильнее.

- Куришь?

- Да. Только сигары.

- Тогда у нас есть что-то общее.

Он заказал две сигары. Некоторое время они молчали, затягиваясь густым ароматным дымом. В пальцах Ивана сигара смотрелась неожиданно естественно - не как аксессуар, а как часть жеста. Но когда он перехватил её зубами на секунду, чтобы поправить зажигалку, Лёха заметил, как дрогнули его пальцы - едва заметно, будто Иван слишком долго держал камеру и теперь они отказывались слушаться.

-У нас одинаковое пристрастие, - сказал Лёха. - Я тоже люблю сигары.

- Тогда мы друг друга стоим.

Иван взял его чашку, сделал из неё глоток и поставил ровно на то же место. Жест был почти невежливым. Почти интимным. И именно поэтому невозможным для случайности.

- Кофе тоже моя слабость, - сказал Иван.

Он не улыбался. Глаза оставались серьёзными. Только полу переменял едва заметно: джинсы на коленях дрогнули, плечо расслабилось.

Лёха заметил это и почему-то обрадовался. Не самой детали - тому, что заметил. Словно в нём включился другой способ смотреть. Он заговорил с Иваном о фотографии. Сначала из вежливости, потом из настоящего интереса. Иван отвечал коротко, но не сухо. Говорил о свете, как о материале, о лице как о поверхности, которая врёт, даже когда человек хочет быть честным.

- Лицо почти всегда опаздывает, - сказал он. - Руки быстрее.

Лёха опустил взгляд на свои пальцы.

- Поэтому ты всё время смотришь на руки?

- Не всё время.

- А когда?

Иван посмотрел прямо на него. И вдруг сказал сухо, почти отрывисто, как будто устал сдерживаться:

- Когда человек себя контролирует. Когда он слишком красив, чтобы быть настоящим.

На секунду между ними стало слишком тихо. Лёха не

знал, что ответить. В горле пересохло.

Потом Иван встал первым. Без предупреждения. Просто выпрямился, и стул скрипнул по плитке. Лёха поднял голову, ожидая стандартного: «Было приятно, созвонимся». Но Иван взял его чашку, допил остатки уже остывшего кофе и поставил её на край стойки, будто ставил точку.

Потом протянул ладонь. На коже у основания большого пальца была татуировка: *Be free*.

Лёха пожал ему руку. И снова - та самая сбитая костяшка, тёплая, чуть шершавая, упёрлась в его ладонь. Почему-то это прикосновение показалось ему более интимным, чем если бы Иван коснулся его шеи.

- До связи, - сказал Иван.

- До связи.

Иван развернулся и пошёл к выходу. Белая майка на секунду вспыхнула под уличным фонарём, светлые джинсы скользнули в проёме двери - и он исчез в ночи.

Лёха остался сидеть. На стойке между ними стояли две чашки. Одна пустая. Другая - почти пустая.

В телефоне появился новый номер. И почему-то этого было достаточно, чтобы вечер перестал быть обычным.

На улице было холодно.

Лёха оставил деньги за обоих, получил улыбку бармена за щедрые чаевые и вышел из кафе. Воздух пах мокрым асфальтом, табаком и поздней осенью.

Он сел в машину, завёл двигатель, но не тронулся с места.

Огни делового центра отражались на капоте. В чёрном небе не было ни одной звезды. Руки лежали на руле - красивые, с длинными пальцами. Он вспомнил татуировку на ладони Ивана и вдруг подумал, что ему самому такие знаки не положены. Смешная мысль. Кому не положены? Почему?

Он открыл чат с Андреем.

- Андрюха, ты где? Давай встретимся, скучаю.

Ответ пришёл почти сразу.

- Взаимно, охотно, где, когда?

Лёха не ответил сразу. Посмотрел на стеклянный фасад бизнес-центра, на своё отражение в боковом окне, на город, который всё ещё притворялся живым.

- Давай нырнём в «Сахалин», рыбки покушаем? В общем, в семь за нашим столиком, я закажу.

- Буду.

Телефон снова мигнул. Виталья прислал статью про мухоморы.

Прочитай. Это про то, как видеть правду.

Лёха усмехнулся и закрыл чат. Правду. Возможно, никакие мухоморы для этого не нужны.

Он подумал об Иване: о его взгляде, о долгих паузах, о чужой чашке в его руке, о словах «руки быстрее». И о том, как Иван рывкнул на ассистентку, а потом устало прикрыл глаза. О сбитой костяшке. О том, как он пил обжигающий кофе, будто не чувствовал боли. В этой грубости и уязвимости было больше жизни, чем во всей его безупречной картинке.

Почему-то именно эти паузы хотелось продлить. В них было больше смысла, чем во многих разговорах, которые он вёл за последние месяцы.

Лёха включил передачу и выехал со стоянки. Стеклопанный улей бизнес-центра остался за спиной. Машина влилась в поток. Город двигался вокруг - фарами, окнами, мокрым асфальтом, поздними звонками.

Внутри него всё ещё жила тишина. Но теперь она вибрировала. От прикосновения. От взгляда. От вопроса, который он пока не решался произнести вслух.

Может быть, он всю жизнь хотел не того, чтобы им восхищались. А того, чтобы его увидели. Настоящего. Даже если он сам ещё не знал, кто это.

Но теперь, кажется, кто-то начал его разглядывать. Не как обложку. А как человека, у которого тоже есть сбитые костяшки - просто пока их никто не заметил.